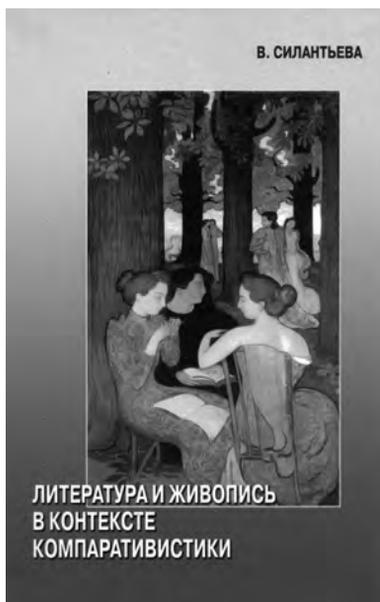

Феликс Кохрихт

Гармонией поверить алгебру

Валентина Силантьева
Литература и живопись
в контексте компаративистики
Одесса, Астропринт, 2015
Тираж 400 экз.

«Литература и живопись в контексте компаративистики» – так озаглавила свою новую книгу В.И. Силантьева. Постоянным читателям альманаха «Дерибасовская – Ришельевская» она известна как автор стихов и прозы, заслуживших, кстати, и престижные премии на международных конкурсах. Еще об одном аспекте ее участия в деятельности нашего издания: Валентина Ивановна способствовала появлению

на его страницах новых авторов – студентов, ученых, художников. Как правило, это ее коллеги, в том числе и из других городов.

Доктор филологических наук профессор Силантьева заведует кафедрой зарубежной литературы Одесского национального университета им. И.И. Мечникова, и ее книга – достойное приношение к его 150-летию.

Признаюсь, выпускник заочного отделения филфака (еще ОГУ) середины 60-х годов, я привычно воспринял три первых слова (не считая союза «и»), определяющих название книги, любезно подаренной автором, а вот термин «компаративистика» открылся лишь после обращения к Интернету, притом, разумеется, далеко не в полной мере – «сравнение», «сопоставление».

Петр Нилус. Портрет А.П. Чехова. 1902-1904

Сравнение – любимое занятие одесситов, как, впрочем, и остальных представителей рода человеческого. Книжный и жизненный опыт вселил в меня убежденность в том, что логичнее и практичнее сравнивать сравнимое со сравнимым, к примеру, если не камбалу с камбалой, то ее же – с другой рыбой, желательно – с морской. Художника – с художником, писателя – с писателем, книгу – с книгой. За годы редакторской деятельности и культуртрегерства я поднаторел в дефинициях и коннотациях, а отсюда недалеко и, как оказалось, до компаративистики.

Но вот профессор Силантьева предлагает подвергнуть ей не два языка, не две книги, две картины, а литературу и живопись – искусства разного генезиса. Сравнить вербальное с невербальным (художники страсть как не любят, когда им приписывают «литературщину»), не только сравнивать, но и оценивать их взаимное влияние. А как, собственно, его измерить, каким аршином...

Вот тут бы мне и пуститься в пересказ увлекательной книги Валентины Силантьевой, маскирующейся под научную монографию, каковой она, впрочем, является, что позволило бы вернуться в привычное русло маленькой рецензии на большую книгу, но я поступлю иначе. Я адресую вас к первоисточнику – читайте этот труд, оставив часть первую: «Литературоведческая и общетеоретическая составляющая исследования» – для литературоведов и общетеоретиков, а себе доставьте удовольствие перейти к частям

Петр Нилус. Автопортрет в котелке. 1935

Натан Альтман. Портрет Анны Ахматовой. 1915

и главам последующим, в которых Толстой встречается с Крамским, Чехов с Левитаном, Блок с Сомовым, Рильке с Цветаевой и, наконец, Шекспир с Дягилевым и Бенуа...

Я же позволю себе остановиться на воспоминании о том, как увидел в Елецком музее Ивана Бунина (он – из этих мест) открытки с одесским адресом, отправленные художнику Петру Нилусу, и ответные послания. Основателя Товарищества южнорусских художников и будущего нобелевского лауреата связывали теплые отношения, писатель подолгу жил в мастерской художника на Княжеской.

В. Силантьева посвящает их дружбе отдельную главу, в которой рассказывает и о том, что Бунин представил Чехову Нилуса как талантливого живописца, и в 1902 году он в Ялте приступил к написанию портрета автора «Дамы с собачкой». Но автор не ограничивается биографическими сведениями, а делает вывод о том, что Нилуса, Бунина и Чехова при разности человеческих и профессиональных судеб «объединяет родство авторского мироощущения и главные особенности сти-

ля. Их поиски в искусстве конца XIX – начала XX вв. близки и равнозначны...».

И еще одна одесская «связка» выдающихся представителей литературы и живописи в аспекте компаративистики. Наша землячка Анна Ахматова и уроженец соседней Винницы Натан Альтман, создавший один из самых знаковых ее портретов. Важно, подчеркивает автор, что они встретились в десятые годы XX века, когда приближались чудовищные исторические катаклизмы, когда реализм отступал перед авангардистскими течениями, которые питали искания Ахматовой (акмеизм) и Альтмана (в ее портрете – кубизм).

Коль речь идет о взаимном влиянии искусств, об экспериментаторах, создателях новых, подчас спорных направлений в искусстве, можно было бы, а то и нужно бы поразмышлять о жизни и судьбе Олега Аркадьевича Соколова, одного из создателей нового одесского искусства, каковым он – фронтовик – был в послевоенные годы и оставался до недавнего ухода. В наследии Соколова – сотни работ, в которых исповедуется взаимное, но не поглощающее влияние музыки на живопись, поэзии – на рисунок. Света и цвета – на линию и форму. Он был последователем великой русской поэзии, японского искусства, музыки Скрябина и синтетического стиля Чюрлениса.

Может быть, Валентина Ивановна сделает его творчество предметом внимания и исследования при работе над переизданием

Натан Альтман. Автопортрет. 1911

своей книги, которой я так и не сумел (до этой минуты) придумать название, а подзаголовок к нему уже есть.

P. S. И все же – придумал название. Несколько претенциозное, постмодернистское, но все же – соответствующее авторской концепции сравнения и взаимодействия искусств музыки и слова. Пушкина, Моцарта и неизбежного Сальери.

